

Institut für Ost- und
Südosteuropaforschung
Institute for East and
Southeast European Studies

VolkswagenStiftung

Александр М. Данцер

Барбара Диц

Ксения Гацкова

Опрос на тему миграции и денежных переводов в Казахстане: миграция, благосостояние и рынок труда в стране с переходной экономикой

Отчет по исследованию

Institute for East and Southeast European Studies
Регенсбург, 2013

Александр М. Данцер
Барбара Диц
Ксения Гацкова

Опрос на тему миграции и денежных переводов в Казахстане: миграция, благосостояние и рынок труда в стране с переходной экономикой

Отчет по исследованию

Этот отчет подготовлен в рамках исследовательского проекта «Миграция и денежные переводы в Центральной Азии: пример Казахстана и Таджикистана». Финансовую поддержку проекта осуществлял фонд Volkswagen.

Impressum

Обратная связь: Institute for East and Southeast European Studies, Landshuter Strasse 4, D-93047 Regensburg, Germany; e-mail: dietz@ios-regensburg.de

Дизайн и верстка: Ксения Гацкова

Перевод с английского: Ольга Карасевич, Джамиля Товбаева

Landshuter Straße 4
D-93047 Regensburg
Telefon: (0941) 943 54 10
Telefax: (0941) 943 54 27
www.ios-regensburg.de

Содержание

Введение	1
Миграция и денежные переводы в Казахстане: данные опроса	2
Мотивы и масштабы миграции	11
Благосостояние, внутренняя миграция и рынок труда	19
Итоги и прикладное значение	25
Список литературы	27

Список таблиц и графиков

Рисунок 1: Регионы Казахстана и расположение городов	2
Таблица 1: Численность и этнический состав Алматы, Астаны, Караганды и Павлодара	3
Рисунок 2: Объем выборки по городам, N=2227 домохозяйств	4
Рисунок 3. Язык интервью в казахских городах	6
Рисунок 4: “Каким языком Вы владеете лучше всего?”, в процентах	7
Рисунок 5: Пол, в процентах	8
Таблица 2: Распределение по полу респондентов и городского населения Казахстана (2010), в процентах	8
Таблица 3: Возрастная структура респондентов и городского населения Казахстана (2010), в процентах	9
Рисунок 6: Возрастная структура респондентов и членов их семьи, в процентах	9
Рисунок 7: Общее число членов домохозяйств, N=2227	9
Рисунок 8: Этническая принадлежность респондентов, N=2227	10
Рисунок 9: Образование респондентов, N=2227	10
Рисунок 10: Место рождения респондентов	11
Рисунок 11: Миграционный опыт респондентов, N=2227, в процентах	12
Рисунок 12: Предыдущее место жительства мигрантов	12
Рисунок 13: Внутренняя и международная миграция и город назначения	13
Рисунок 14: До-миграционное место проживания и город назначения, все мигранты, N=1206	14
Рисунок 15: Этничность и город назначения, все мигранты, N=1206	15
Рисунок 16: Язык, которым мигранты владеют лучше всего, и город назначения, все мигранты, N=1206	15
Рисунок 17: Образование мигрантов, все мигранты, N=1206	16
Рисунок 18: Источники финансирования переезда, один вариант ответа, все мигранты, N=1206	17
Рисунок 19: Причины миграции, один вариант ответа, все мигранты, N=1203	18
Рисунок 20: Причины миграции мужчин и женщин, один вариант ответа, все мигранты, N=1203	18
Рисунок 21: Члены семьи, другие родственники или знакомые в городе назначения до миграции, все мигранты, N=1206	19
Рисунок 22: «На первой после переезда работе зарабатывали ли Вы больше, также или меньше чем на Вашей последней работе до переезда?», в процентах	19
Рисунок 23: Средняя субъективная оценка социально-экономического статуса по шкале от 1 (бедные) до 10 (богатые), N=2074	21
Рисунок 24: Двуязычие и этничность	23
Рисунок 25: Знание казахского языка и этничность, в процентах	24

Введение

Этническая
эмиграция из
Казахстана после
обретения независи-
мости

С распадом Советского Союза на территории его бывших республик резко возросли темпы миграции. Нововведенное право на свободу передвижения позволило многим людям вернуться на свою историческую родину или переехать в другую страну в поисках лучших экономических условий. Наглядным примером страны с высоким уровнем миграции является Казахстан, постсоветская республика, расположенная в Центральной Азии. После обретения независимости большой отток населения из Казахстана в период с 1991 по 2004 год привел к потере 2,04 млн человек или 13 процентов населения. С 2004 года в Казахстане наблюдается положительное сальдо внешней миграции, причиной которого служат почти полное завершение этнической эмиграции, постоянный приток этнических казахов (оралманов), а также увеличение числа трудовых мигрантов из соседних стран (Sadovskaya, 2007; Diener, 2008). В последние годы политическое и общественное внимание было в основном направлено на внешнюю миграцию, однако внутренние миграционные потоки в Казахстане также имеют высокое социально-экономическое значение.

Казахстан обладает огромной территорией (приблизительно 2,7 млн кв. км), занимая 9-е место по величине среди всех стран мира. При этом население страны относительно небольшое – около 16 миллионов человек. В административном отношении Казахстан делится на 14 регионов (областей) и два города (Алматы и Астана).

Внутренняя миграция
в Казахстане: новая
исследовательская
тема

По официальным данным, межрегиональная миграция в Казахстане не является особенно интенсивной, хотя экономические и социальные различия между регионами в течение длительного времени остаются весьма значительными (Aldashev, Dietz, 2011). В период с 2000 по 2010 год межобластная миграция насчитывала в среднем 138 000 человек в год, что составляет 0,8 процента населения. В основном, почти все внутренние мигранты переезжали в два самых больших города – Алматы и Астану. В Астану мигрировало большое количество людей из близлежащих Акмолинской, Карагандинской, Костанайской и Восточно-Казахстанской областей, в то время как в Алматы переезжали жители соседней Жамбылской области, а также жители Южно-Казахстанской и Восточно-Казахстанской областей.

Внутри регионов ежегодная миграция составила, в среднем, около 166 200 человек (один процент населения). В основном население мигрировало из сельских районов в городские, а также из малых и средних городов – в индустриальные центры. Размер меж- и внутрирегиональных миграционных потоков в Казахстане близок к уровню таковых потоков в России, но значительно меньше, чем в США и Канаде (Andrienko, Guriev, 2004).

Хотя (внутренний и международный) миграционный опыт независимого Казахстана уникален и интересен в экономическом и социальном плане, до сих

пор было проведено очень мало глубоких исследований миграции в этом регионе. Международный исследовательский проект «Миграция и денежные переводы в Центральной Азии: пример Казахстана и Таджикистана» был проведен с целью изучить детерминанты и последствия миграционных перемещений в постсоветских странах Центральной Азии. Поскольку микроуровневые данные о миграционных движениях в Казахстане встречаются довольно редко или же попросту недоступны исследователям, в рамках проекта был проведен опрос домохозяйств. В ходе опроса была собрана информация о миграции и денежных переводах в этой стране, а также все необходимые данные для проверки стандартных гипотез теории миграции. Опрос «Миграция и денежные переводы в Казахстане» (МДПК) проводился в четырех городах Казахстана (Алматы, Астана, Караганда и Павлодар) в период с октября по декабрь 2010 года (рис. 1).

Рисунок 1: Регионы Казахстана и расположение городов

Миграция и денежные переводы в Казахстане: данные опроса

Выборка

При разработке опроса домохозяйств в Казахстане нужно принимать во внимание, что потоки миграции в основном направлены в крупные экономические центры, хотя с момента обретения независимости миграционные волны наблюдаются по всей стране. Исходя из этой ситуации, простая случайная выборка по всей стране не могла бы гарантировать наличие в опросе достаточного количества домохозяйств с миграционным опытом, а следовательно создать

базу для содержательного анализа данных. Таким образом, было решено выбрать регионы с высоким миграционным оборотом и определить в них конечные пункты, в которых будет проводиться опрос. Такой метод отбора широко применяется в опросах, посвященных теме международной миграции (Groenewold, Bilsborrow, 2008).

Так как внутренние и международные мигранты отдавали предпочтение большим казахским городам, в особенности Алматы и Астане, являющимся в то же время важными отправными пунктами, именно они были выбраны для проведения опроса. В Алматы и Астане шанс найти большое количество мигрантов для опроса путем случайной выборки был гораздо выше, чем в случайно отобранных семьях по всему Казахстану. В последнем случае нужно было бы применить довольно сложную отборочную процедуру, чтобы идентифицировать достаточное количество домохозяйств с миграционным опытом. Проведение опроса в Астане дало возможность посмотреть на миграционные движения в контексте переноса казахской столицы из Алматы в Астану в 1997 году.

Чтобы отобразить мобильность населения в других казахских экономических центрах кроме Астаны и Алматы в опрос были включены еще два города (Караганда и Павлодар – оба областные центры). Благодаря своему географическому расположению, численности населения и этническому составу, эти города наиболее подходили для проведения сравнительного исследования (таблица 1). До переноса столицы город Караганда занимал второе место в Казахстане после Алматы по численности населения, экономическому значению и человеческому капиталу, Павлодар же был сопоставим с Астаной. Однако в последующие годы эти города ступили на разные пути развития. В то время как в Алматы и, в особенности, в Астане численность населения

Таблица 1: Численность и этнический состав Алматы, Астаны, Караганды и Павлодара

	1989	1999	2009
Численность населения			
Алматы	1,121,400	1,128,989	1,365,105
Астана	277,365	326,939	639,311
Караганда	613,800	436,864	465,634
Павлодар	330,700	300,918	307,880
Доля этнических казахов			
Алматы	23.8	38.5	50.1
Астана	17.5	40.9	63.4
Караганда	12.6	24.2	35.4
Павлодар	14.4	24.0	37.8

Источник: BrillOlcott (2002); Anacker (2004); Gentile (2004); Агенство республики Казахстан по статистике

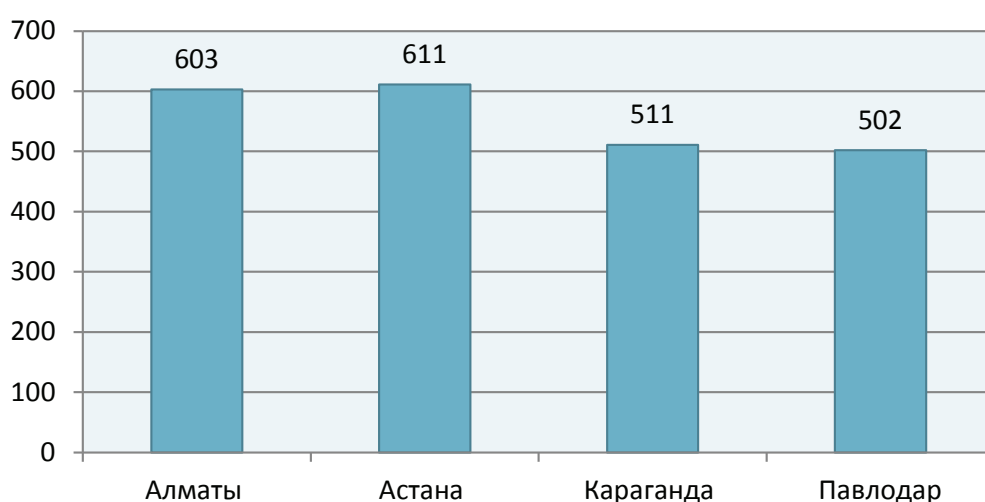
неуклонно росла в период между 1989 и 2009 годами, в Караганде и Павлодаре число жителей к 1999 году заметно снизилось, хотя потом снова наблюдалось умеренное повышение.

Благодаря своему богатому и разнообразному миграционному опыту, четыре города – Астана, Алматы, Караганда и Павлодар – были выбраны для проведения выборочного исследования. В опросе участвовали по 550 семей из Алматы и Астаны, и по 450 семей из Караганды и Павлодара. В четырех городах был применен метод маршрутного отбора семей. Маршруты выбирались на основе избирательных списков, в которые были включены все улицы и микрорайоны в соответствующих городах.

На каждый маршрут было предусмотрено по 10 интервью. 50 маршрутов были отобраны в Алматы и Астане, и 45 – в Караганде и Павлодаре. Эти маршруты были выбраны с помощью генератора случайных чисел из полного списка улиц в соответствующих городах. Дома отбирались на пути маршрута систематически, с использованием предварительно заданного интервала (каждый второй дом после стартового номера дома по соответствующему маршруту, а в случае многоквартирных жилых домов – каждая пятая квартира). Соответственно, выбор семей для опроса в этих городах был осуществлен по правилам случайной выборки.

Интервью проводилось лицом к лицу с главой семьи или вторым по старшинству членом семьи в возрасте 18 лет и старше. При выборе респондента использовалась гендерная квота, которая отражала соотношение мужчин и женщин в соответствующих городах. Гендерная квота была введена для того, чтобы избежать перекаса в выборке по половому признаку, поскольку существует мнение,

Рисунок 2: Объем выборки по городам, N=2227 домохозяйств

Источник: база данных МДПК

что женщин чаще можно застать дома и что они с большей готовностью отвечают на вопросы интервьюеров. В ходе исследования были опрошены только члены домохозяйств, постоянно проживающие в семье.

Объем выборки

Всего было предпринято 4907 попыток провести интервью в этой области, из них 2227 увенчались успехом. В случае неудач причиной в основном служил отказ респондентов участвовать в интервью (45,4%) или же нежелание открывать дверь (40,3%). На рисунке 2 представлено количество интервью в каждом городе.

Респонденты предоставили информацию о своем образовании, возрасте, национальности, своей занятости и миграционном опыте, а также об условиях жизни их семьи. Основная социально-демографическая информация была собрана о всех членах семьи (6752 человека).

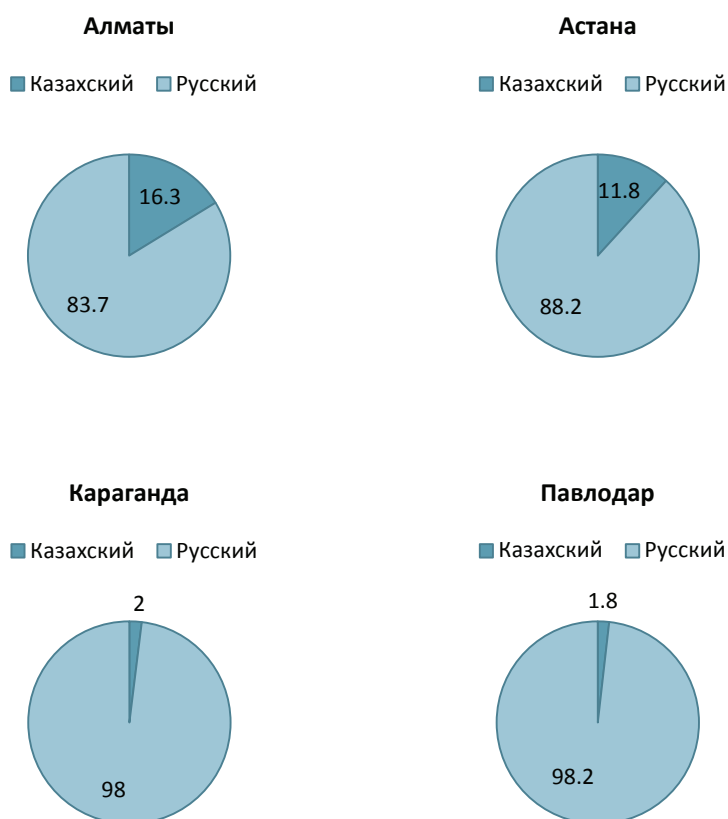
Анкета

Анкета была разработана таким образом, чтобы можно было получить основную информацию о детерминантах, типах и последствиях миграции, а также о распространенности и использовании денежных переводов в Республике Казахстан. Также задавались вопросы об экономических и социальных условиях жизни домохозяйств. Таким образом, опрос был направлен на анализ различий в экономическом и социальном поведении семей с опытом международной и внутренней миграции и семей, не имеющих такого опыта. Кроме того, удалось собрать информацию о тех членах семьи, которые покинули страну и по-прежнему находятся за рубежом (“члены семьи, находящиеся в отъезде”). Эта информация включала вопросы о мотивации переезда этих членов, их пунктах назначения, а также условиях жизни и работы за рубежом. При проведении интервью использовались карточки с вариантами ответов, чтобы респонденту было легче выбрать наиболее подходящий вариант.

Вопросник состоит из 130 вопросов и разделен на девять блоков. В первом блоке собрана основная информация о демографических характеристиках членов семьи. Во втором блоке респондент отвечал на вопросы, связанные с уровнем образования и языковой компетенции всех членов семьи. Третий блок включает в себя вопросы о текущем месте работы респондента, например, тип предприятия, экономический сектор и заработная плата. Четвертый блок состоит из вопросов о месте проживания респондента и его деятельности, в основном в 1991 и 2001 гг.

Вопросы пятого блока касаются опыта миграции всех членов семьи. В соответствующих случаях респондентов просили подробно рассказать об их последнем переезде, в том числе об их мотивации для переезда, влиянии переезда на их заработок, продвижении по службе и условиях жизни. Информация о денежных переводах собрана в шестом блоке. В нем речь идет о перечисляемых и получаемых денежных суммах в семье. Седьмой блок состоит из вопросов, касающихся личного отношения респондента к иммигрантам и иммиграции в Казахстане. В восьмом блоке респондент отвечал на вопросы о

Рисунок 3: Язык интервью в казахских городах

Источник: база данных МДПК

доходах своей семьи и уровне жизни, в девятом блоке – о расходах домохозяйства. Структура и темы опроса были, по возможности, заимствованы из апробированных анкет по исследованию миграции (см. Lucas, 2000).

Язык опроса

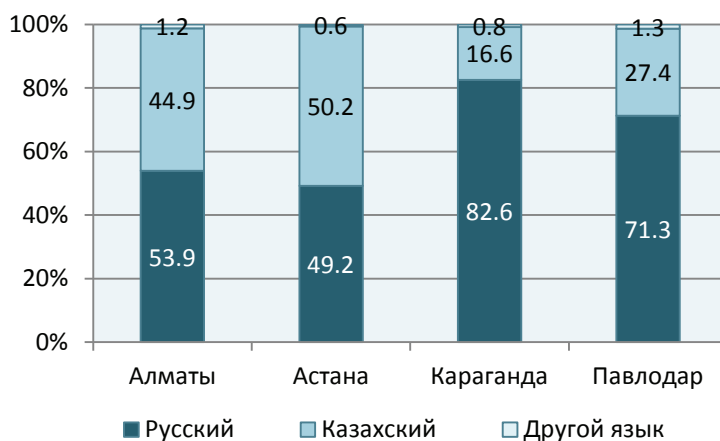
Анкета и остальные инструменты исследования (карточки с ответами, перечни кодов) были сначала подготовлены на английском, а затем переведены на русский и казахский языки. Интервью проводились на русском или казахском языке, в зависимости от предпочтений респондента. Более 90% респондентов выбрали русский язык, однако предпочтения респондентов значительно отличаются по городам. В то время как в Алматы 16% респондентов отдали предпочтение казахскому языку, только 2% жителей Павлодара попросили проводить интервью на казахском (рис. 3). Подобный выбор отражает высокую значимость русского языка в повседневной жизни в Казахстане, особенно в Павлодаре и Караганде, где этнические русские составляют большую часть населения.

В 2001 году в Казахстане была принята государственная программа «функционирования и развития языков на 2001–2010 годы». Ее официальной целью было расширение и укрепление коммуникативных функций государственного

(казахского) языка, сохранение культурной функции русского языка и развитие языков этнических меньшинств. Поправка, внесенная в программу в 2006 году, содержала конкретные указания относительно обязательного использования казахского языка в сферах государственного управления, законодательства и судопроизводства (Vdovina, 2008).

Тем не менее, русский язык продолжает играть доминирующую роль в средствах массовой информации. Подобная тенденция нашла свое отражение в результатах опроса касательно языковой компетенции (рис. 4). Отвечая на вопрос «Каким языком вы владеете лучше всего?», 63% респондентов назвали русский, 36% – казахский и 1% – другой язык.

Рисунок 4: “Каким языком Вы владеете лучше всего?», в процентах

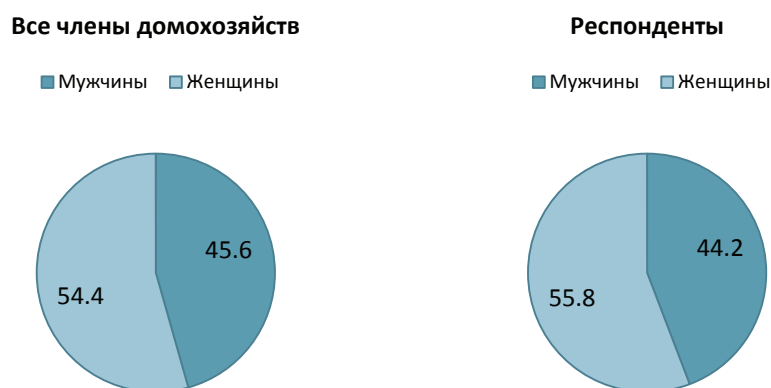
Источник: база данных МДПК

Описание данных: пол респондентов

В опросе МДПК приняли участие 54% женщин и 46% мужчин (рис. 5), что приблизительно отображает соотношение мужчин и женщин в индустриальных центрах Казахстана в 2010 году.

Поскольку гендерная квота была предварительно определена, гендерное соотношение респондентов мало отличалось от соотношения в соответствующих городах (таблица 2).

Рисунок 5: Пол, в процентах

Источник: база данных МДПК

Таблица 2: Распределение по полу респондентов и городского населения Казахстана (2010), в процентах

	Женщины		Мужчины	
	Опрос	Население	Опрос	Население
Алматы	56.6	54.6	43.4	45.4
Астана	52.0	50.8	48.0	49.2
Караганда	56.8	54.7	43.2	45.3
Павлодар	58.6	54.4	41.4	45.6

Источник: база данных МДПК, Агентство республики Казахстан по статистике

Возраст

Возрастная структура выборки соответствует возрастной структуре городского населения Казахстана (таблица 3). Соответствие наблюдается и на уровне городов Алматы и Астана (по которым доступна соответствующая статистическая информация). Среднестатистический житель Астаны моложе среднестатистического жителя Алматы, Караганды и Павлодара. Эти данные отображают статус Астаны как новой столицы Казахстана, привлекательной для молодых специалистов и работников государственного сектора.

На рисунке 6 представлена возрастная структура респондентов и всей выборки (всех членов семьи). Поскольку в опросе могли принимать участие только респонденты в возрасте 18 лет и старше, группа детей до 17 лет не представлена в возрастной структуре респондентов.

Размер семьи

Размер семьи варьируется в выборке от 1 до 14 человек (рис. 7). По данным опроса среднестатистическая семья состоит из трех членов. Это соответствует данным официальной статистики: согласно переписи населения 2009 года размер среднестатистической семьи в Казахстане составлял 3,5 человека и, как правило, городские семьи были меньше, чем деревенские.

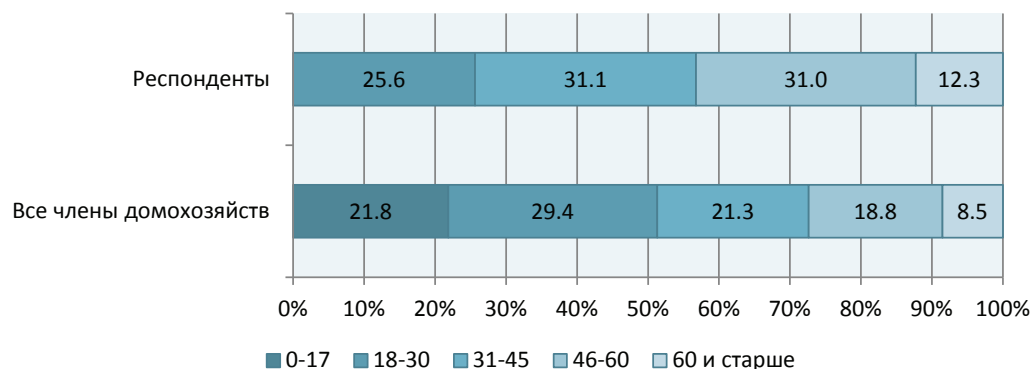
Таблица 3: Возрастная структура респондентов и городского населения Казахстана (2010), в процентах

Возрастные группы	0–14		15–64		65+	
	Опрос	Население	Опрос	Население	Опрос	Население
Алматы	18.0	19.3	75.0	71.9	7.1	8.8
Астана	20.0	18.2	77.1	75.9	2.9	5.9
Караганда	16.7	n.a.	76.0	n.a.	7.3	n.a.
Павлодар	17.3	n.a.	76.6	n.a.	6.1	n.a.
Всего	18.1	22.7*	76.1	69.8*	5.8	7.5*

*Городское население в Казахстане

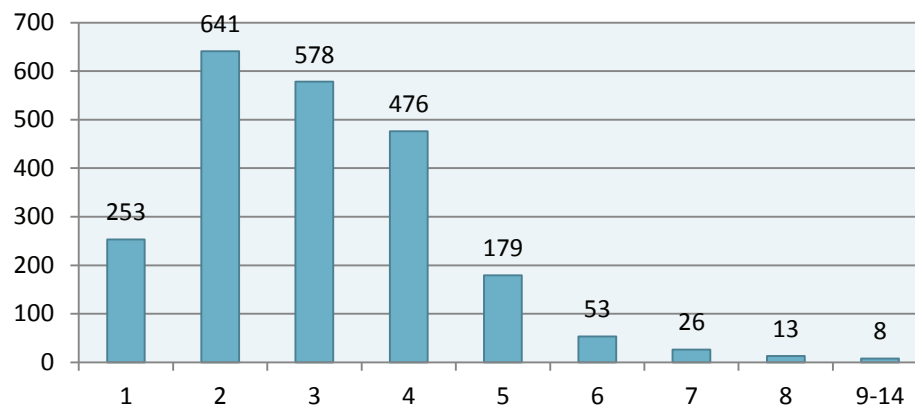
Источник: база данных МДПК, Агентство республики Казахстан по статистике

Рисунок 6: Возрастная структура респондентов и членов их семьи, в процентах

Источник: база данных МДПК

Рисунок 7: Общее число членов домохозяйств, N=2227

Источник: база данных МДПК

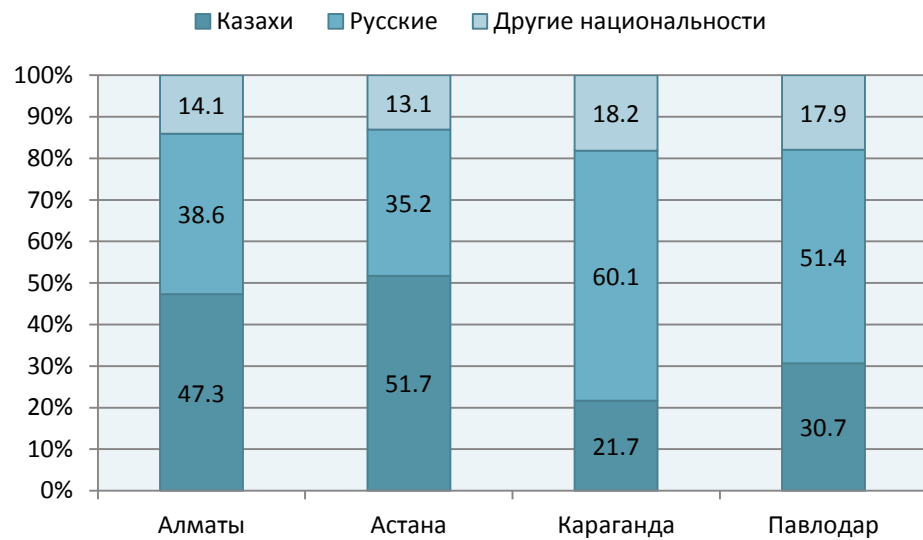
Этническая принадлежность и образование

Графики 8 и 9 показывают распределение респондентов в зависимости от их этнической принадлежности и уровня образования. Доля этнических казахов в Алматы и Астане превышает долю этнических русских, в отличие от Павлодара и Караганды, где этнические русские составляют более половины населения. Этническое распределение респондентов в опросе примерно соответствует данным официальной статистики (см. таблицу 1).

Большинство респондентов – хорошо образованные люди и только 20% из них не имеют высшего или среднего специального образования.

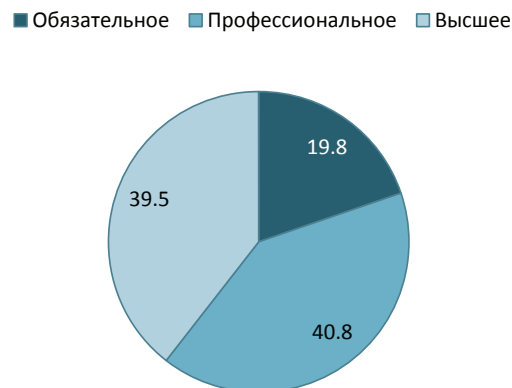
Не удивительно, что подавляющее большинство респондентов (63%) в четырех опрошенных городах являются уроженцами больших городов с населением более

Рисунок 8: Этническая принадлежность респондентов, N=2227

Источник: база данных МДПК

Рисунок 9: Образование респондентов, N=2227

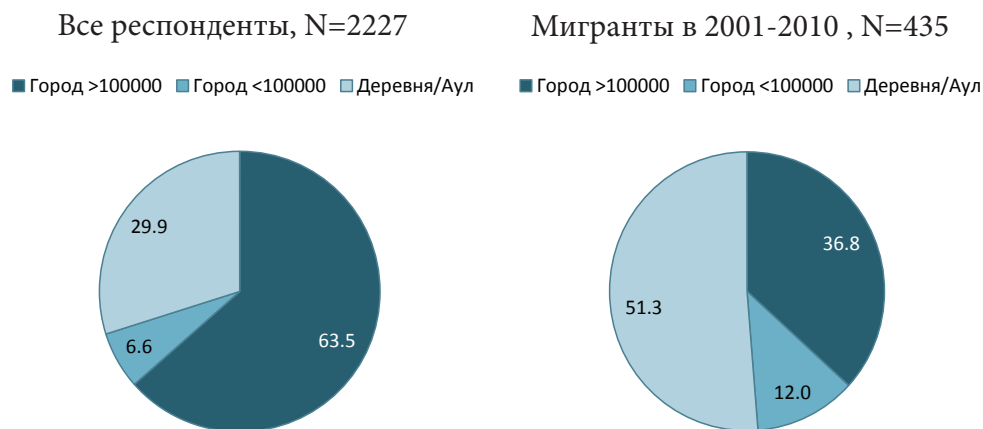

Источник: база данных МДПК

Место рождения

100 000 жителей. В то же время, значительная часть респондентов (30%) родились в сельской местности (ауле) (рис. 10). Напротив, среди внутренних мигрантов, которые прибыли в города, где проводился опрос, в период между 2001 и 2010 годами доля лиц, родившихся в поселке (51%) была значительно выше доли мигрантов, чьим местом рождения был крупный город (37%).

Рисунок 10: Место рождения респондентов

Источник: база данных МДПК

Мотивы и масштабы миграции

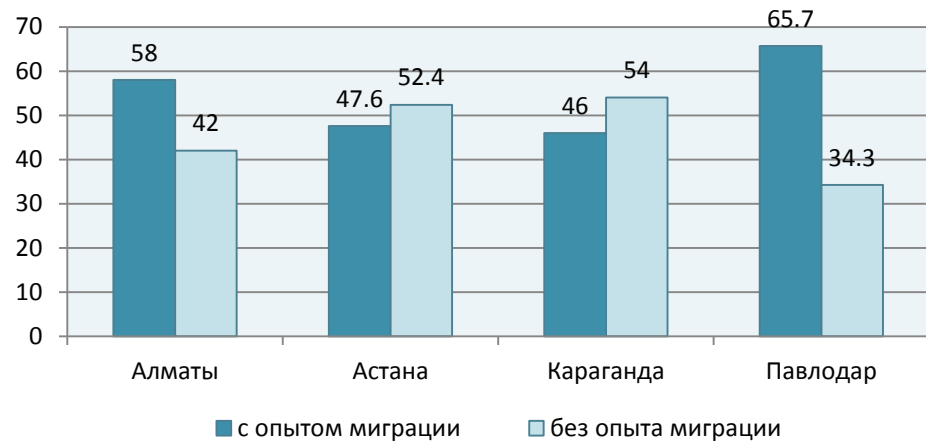
Переход от плановой к рыночной экономике заложил основы экономического развития в Казахстане в последние двадцать лет. Опрос МДПК позволяет проанализировать не только причины и последствия внутренней миграции, но и исследовать благосостояние населения и функционирование рынка труда в Казахстане за годы независимости.

До распада Советского Союза миграция в городские районы Казахской ССР происходила в значительной мере за счет притока людей из других частей Советского Союза, в основном из России. После обретения независимости в Казахстане произошла обратная миграция – этнические русские и жители других неказахских национальностей начали покидать города, в то время как уровень урбанизации среди этнических казахов возрос. В период с 1989 по 2009 год процент этнических казахов, проживающих в индустриальных центрах Казахстана, повысился с 38% до 48%, численность же городского населения несколько снизилась (с 57% до 54%). Среди высоко урбанизированного русского населения число городских жителей сократилось с 77% до 73%.

Масштабы миграции В опросе МДПК практически половина (49%) всех респондентов указали, что они поменяли свое место жительства по меньшей мере один раз в жизни. Такое распределение типично для жителей Астаны и Караганды (рис. 11). Но опыт миграции в Алматы и Павлодаре несколько отличается от этой картины: например, в Алматы зафиксировано довольно большое количество респондентов с миграционным опытом (58%), а в Павлодаре проживает больше мигрантов, чем в остальных опрошенных городах (66%).

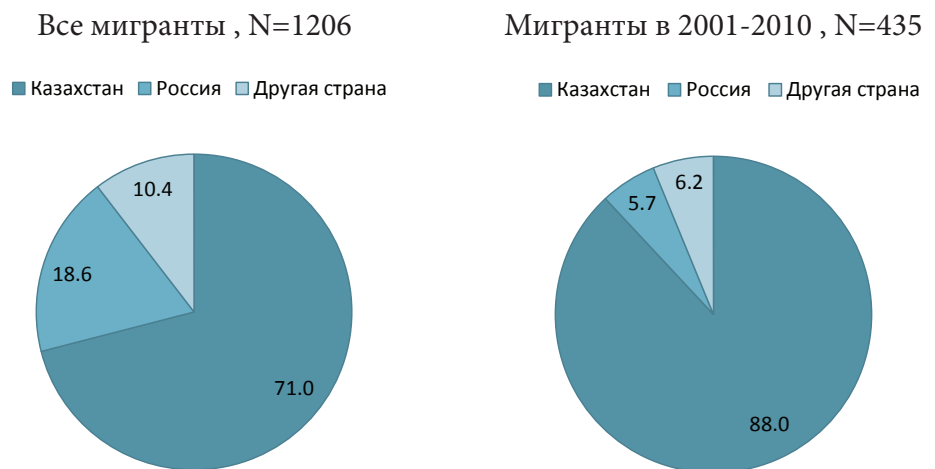
Анкета позволяет отслеживать перемещение людей в разное время и различать внутренних и международных мигрантов. Если разделить мигрантов на тех, кто приехал до первого января 2001 года и после, можно увидеть, что пример-

Рисунок 11: Миграционный опыт респондентов, N=2227, в процентах

Источник: база данных МДПК

Рисунок 12: Предыдущее место жительства мигрантов

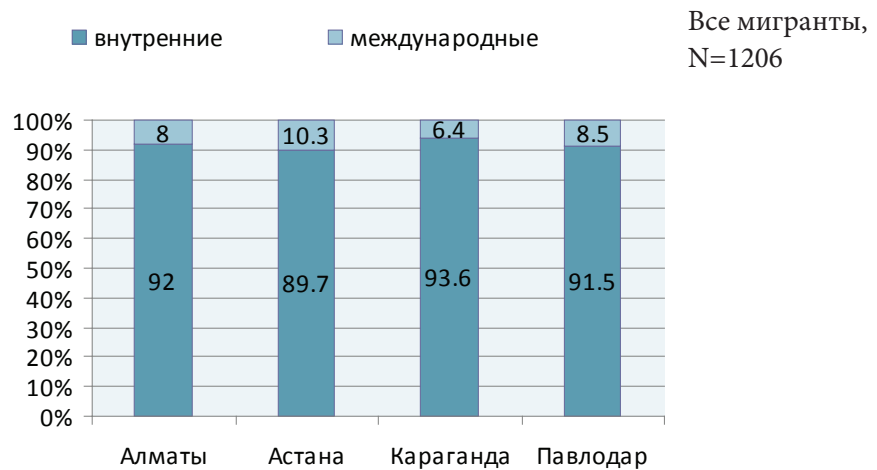

Источник: база данных МДПК

но 36% приезжих прибыли в города в последнее десятилетие. Большинство мигрантов в выборке МДПК являются внутренними мигрантами. Около 88% тех, кто переехал в период с 2001 по 2010 год, мигрировали в пределах Казахстана, и только 6% приехали из России (рис. 12). Остальные проживали в третьей стране перед тем, как мигрировать (чаще в Узбекистане или Кыргызстане). Среди всех респондентов, имеющих миграционный опыт, самая высокая доля принадлежит внутренним мигрантам. Около 19% иммигрировали из России, и 10% – из третьей страны, в основном из республик бывшего Советского Союза (рис. 12). Различия между пунктами отправления недавно прибывших и всех остальных мигрантов обусловлены, в основном, большим количеством людей, приехавших в Казахстан из России перед распадом Советского Союза.

На рисунке 13 показаны конечные пункты передвижений внутренних и международных мигрантов. Большинство из мигрантов жили в Казахстане

Рисунок 13: Внутренняя и международная миграция и город назначения

Источник: база данных МДПК

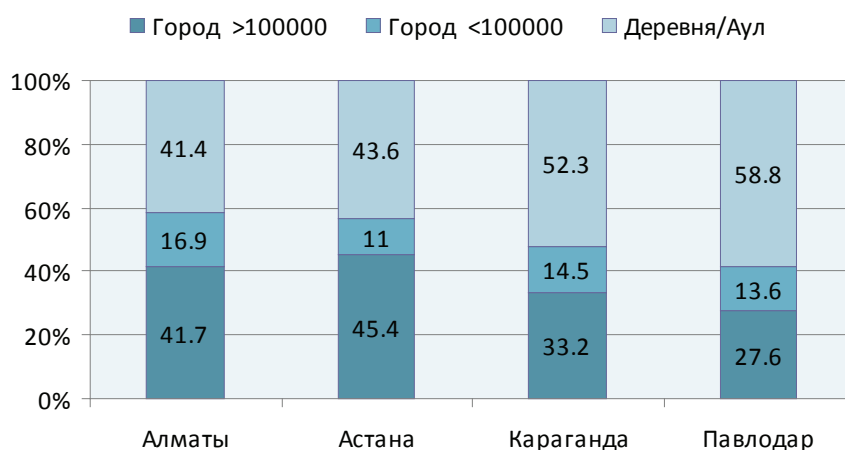
раньше, а именно около 94% мигрантов, приехавших в Караганду, 92% мигрантов – в Алматы, 90% мигрантов – в Астану, а также 91,5% мигрантов, выбравших Павлодар.

Высокие темпы международной иммиграции в Павлодар за последнее десятилетие (24%) можно объяснить его расположением на севере Казахстана и высокой долей русского населения. 13% мигрантов Астаны, которые переезжали в город с 2001 по 2010 гг., приехали из других стран.

Место жительства до миграции

Место жительства внутренних мигрантов до переезда повлияло на выбор города, в который они мигрировали. Так, около 30% внутренних мигрантов переехали в города Алматы и Астану из соседних областей (Aldashev, Dietz, 2011). Соответствующие цифры еще выше в Караганде и Павлодаре: более половины (52%) внутренних мигрантов, переехавших в Караганду, приехали из Карагандинской области, и почти две трети (66%) иммигрантов Павлодара мигрировали из Павлодарской области.

Рисунок 14: До-миграционное место проживания и город назначения, все мигранты, N=1206

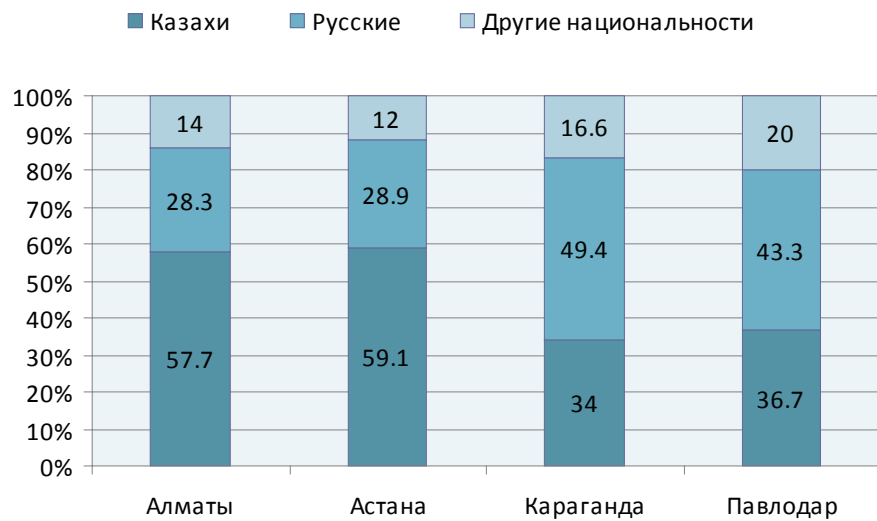

Источник: база данных МДПК

На рисунке 14 представлены данные о месте проживания иммигрантов до переезда в Алматы, Астану, Караганду или Павлодар. Согласно рисунку, около 45% мигрантов нашей выборки приехали из городов с населением более 100 000 жителей, около 15% – из городов, в которых проживают менее 100 000 жителей, остальные до переезда жили в деревне или ауле.

На рисунке 14 показаны различия между четырьмя городами назначения относительно места жительства прибывших: в то время как 45% иммигрантов Астаны жили в городе с населением более 100 000 жителей, прежде чем переехать в новую столицу Казахстана, в Алматы прибыло 42% мигрантов из крупных городов, в Караганду – около 33%, в Павлодар – 28%. При этом около 55%

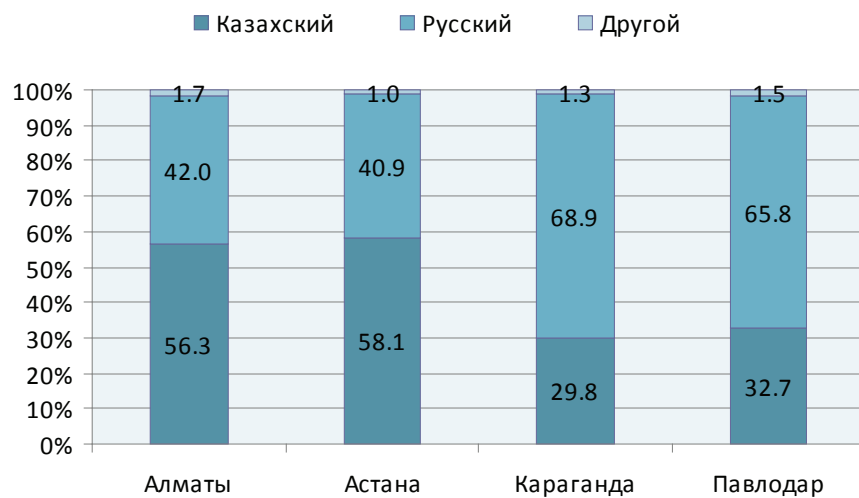
Рисунок 15: Этничность и город назначения, все мигранты, N=1206

Источник: база данных МДПК

иммигрантов Караганды и Павлодара приехали из деревни или аула, в отличие от почти 43% мигрировавших в Алматы или Астану. В целом, наши данные указывают на широко распространенную тенденцию: в основном люди переезжают из деревень или небольших городов в средние города (зачастую по соседству), а из средних городов – в крупные города. Как правило, миграционные потоки из деревень непосредственно в крупные города гораздо меньше.

Рисунок 16: Язык, которым мигранты владеют лучше всего, и город назначения, все мигранты, N=1206

Источник: база данных МДПК

Национальность мигрантов

Около 48% городских жителей с миграционным опытом в нашей выборке идентифицировали себя как этнические казахи, 37% – как русские, а остальная часть респондентов указали на свою принадлежность к другой национальности (рис. 15). Большинство мигрантов (почти 60%) в Алматы и Астане – этнические казахи, а в Караганде и Павлодаре число русских мигрантов (49% и 43%) превышает число мигрантов, принадлежащих к другим этническим группам.

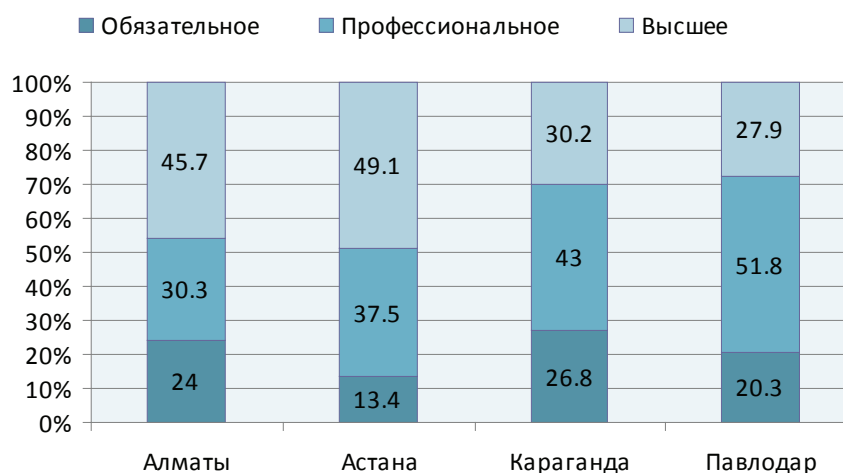
Языки, которыми мигранты владеют лучше всего

Ответы мигрантов на вопрос о языковой компетенции в каждом городе, где проводилось исследование, представлены на рисунке 16. Результаты сопоставимы с результатами по этнической принадлежности: в то время как почти 56% мигрантов в Алматы ответили, что казахский является для них языком, на котором они говорят лучше всего; соответствующий показатель для Астаны составил 58%. В Караганде и Павлодаре доля мигрантов, владеющих казахским языком лучше всего, была значительно ниже (соответственно 30% и 33%).

Образование мигрантов

Большинство мигрантов в нашей выборке имеют либо среднее специальное, либо высшее образование (рисунок 17). В Астане доля мигрантов с высшим образованием составляет 49%, в Алматы – 46%. В Караганде число мигрантов с высшим образованием значительно ниже (30%), в Павлодаре – 28%. В этих двух городах мигранты со средним специальным образованием по численности превышают остальные образовательные группы.

Рисунок 17: Образование мигрантов, все мигранты, N=1206

Источник: база данных МДПК

Рисунок 18: Источники финансирования переезда, один вариант ответа, все мигранты, N=1206

Источник: база данных МДПК

Финансирование переезда

Анкета содержит вопрос «За счет каких средств вы финансировали свой переезд и первые расходы на проживание?» (рис. 18). Согласно результатам опроса, около 33% мигрантов финансировали переезд, главным образом, с помощью членов семьи. Этот результат показывает, что семейные связи чрезвычайно важны в Казахстане. 36% мигрантов заявили, что они в основном полагались на собственные сбережения, и около 17% финансировали переезд с помощью продажи своего дома или земельного участка. Интересно отметить, что только 2% мигрантов – на удивление, не те, которые переехали в Астану¹ – получили поддержку со стороны правительственной программы.

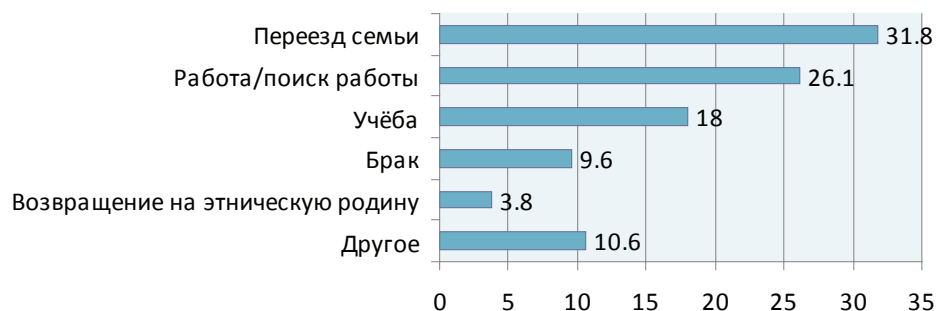
Причины миграции

В ходе опроса были определены следующие причины переезда: семейные обстоятельства, образование и работа, брак и желание «вернуться на этническую родину»². На рисунке 19 показано, что многие из опрошенных респондентов – около 32% – переехали в связи с переездом их семьи или с целью воссоединения семьи. Еще четверть (26%) респондентов уехали в связи с возможностью трудоустройства, 18% мигрировали с целью получить образование, а еще почти 10% мигрантов назвали женитьбу главной причиной переезда. Почти 4% вернулись на родину и около 11% переехали по другой причине.

¹ О переносе столицы Казахстана из Алматы в Астану см. Anacker (2004).

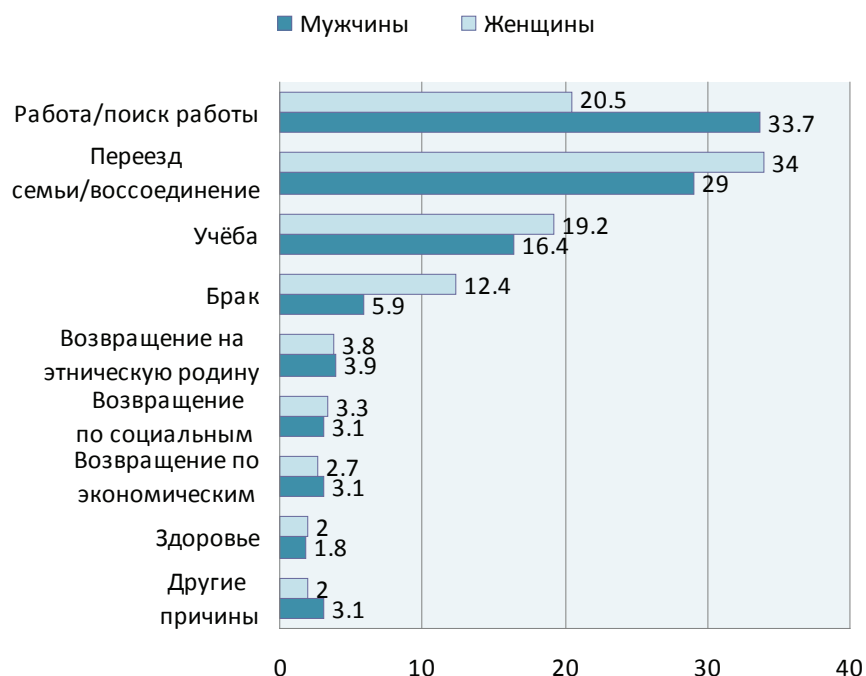
² Респондентам была предоставлена возможность дать несколько ответов на вопрос: «Почему вы переехали на нынешнее место жительства?». Здесь рассмотрен только первый выбор причины (самая важная причина). Принятие во внимание второго и последующих отмеченных вариантов ответа существенно не меняет полученную картину.

Рисунок 19: Причины миграции, один вариант ответа, все мигранты, N=1203

Источник: база данных МДПК

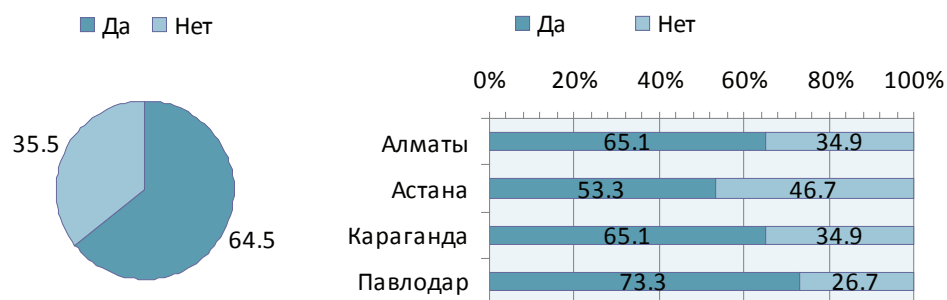
Рисунок 20: Причины миграции мужчин и женщин, один вариант ответа, все мигранты, N=1203

Источник: база данных МДПК

Сравнение мотивов миграции мужчин и женщин показывает некоторые существенные различия между полами: если 34% мужчин переехали из-за работы, то только для 21% женщин работа стала основной причиной для переезда (рис. 20). В то же время, более трети женщин мигрировали, поскольку переехала их семья, или же по причине воссоединения с семьей. Соответствующий процент мужчин, переехавших по семейным причинам, примерно на 5% ниже. Интересно отметить, что женщины были более склонны к миграции с целью заключения брака, чем мужчины (12% женщин указали именно эту причину, по сравнению с 6% мужчин).

Рисунок 21: Члены семьи, другие родственники или знакомые в городе назначения до миграции, все мигранты, N=1206

Источник: база данных МДПК

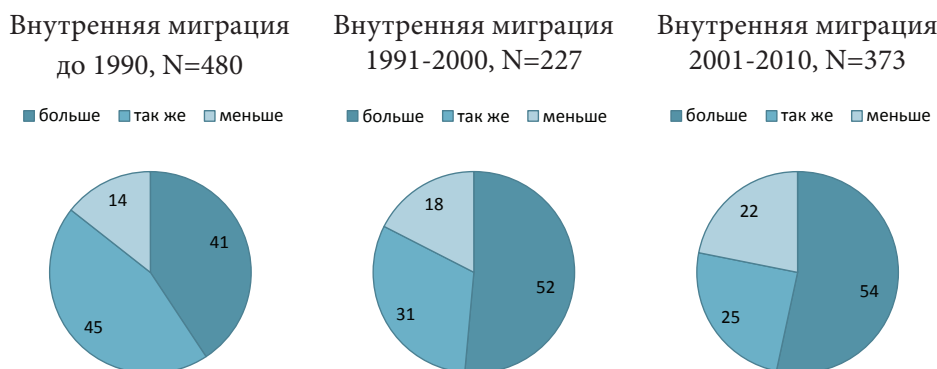
Социальные связи

Собранные данные МДПК показывают большое значение социальных связей в вопросе миграции (рис. 20). В целом, 65% мигрантов указали на наличие либо родственников, либо знакомых в новом городе до переезда. Самая высокая доля мигрантов, у которых не было никаких социальных связей в городе, в который они переехали, была установлена в Астане (47%), а самая низкая – в Павлодаре (27%).

Благосостояние, внутренняя миграция и рынок труда

В странах с развивающейся экономикой целью миграции значительной части населения становится улучшение заработка, условий проживания и социального статуса (Stark, Taylor, 1991; Resosudarmo и соавт., 2010). С помощью данных опроса МДПК на примере Казахстана было исследовано, действительно ли мобильные люди выигрывают от внутренней миграции в крупные города

Рисунок 22: «Зарабатывали ли Вы на первой после переезда работе больше, столько же или меньше, чем на Вашей последней работе до переезда?», в процентах

Источник: база данных МДПК

Зарботки и социально-экономический статус до и после переезда

(Danzer и соавт. 2013). Этот вопрос был проанализирован путем сравнения доходов и субъективного социально-экономического статуса мигрантов до и после переезда, а также сравнения приезжих (мигрантов) и коренных жителей городов (немигрантов) относительно среднего заработка, дохода семьи и социально-экономического статуса.

Чтобы исследовать, влияет ли внутренняя миграция на индивидуальный заработок в определенный период времени, было выделено три группы внутренних мигрантов: переехавшие до 1990 года, переехавшие между 1991 и 2000 годами, и те, кто прибыл на настоящее место жительства после 2000 года. Поскольку внутренние перемещения в Советском Союзе контролировались государством, довольно сложно определить, выиграли ли от миграции жители, переехавшие до 1990 года. Что касается тех, кто мигрировал после 1990 года, есть основания ожидать улучшения их финансовой ситуации, так как экономический фактор стал главной причиной миграции в независимом Казахстане. В целом было установлено, что доход большинства внутренних мигрантов всех трех групп увеличился после переезда. При этом доля тех, кто улучшил заработок, среди недавно мигрировавших существенно больше по сравнению с лицами, переехавшими ранее (рис. 22).

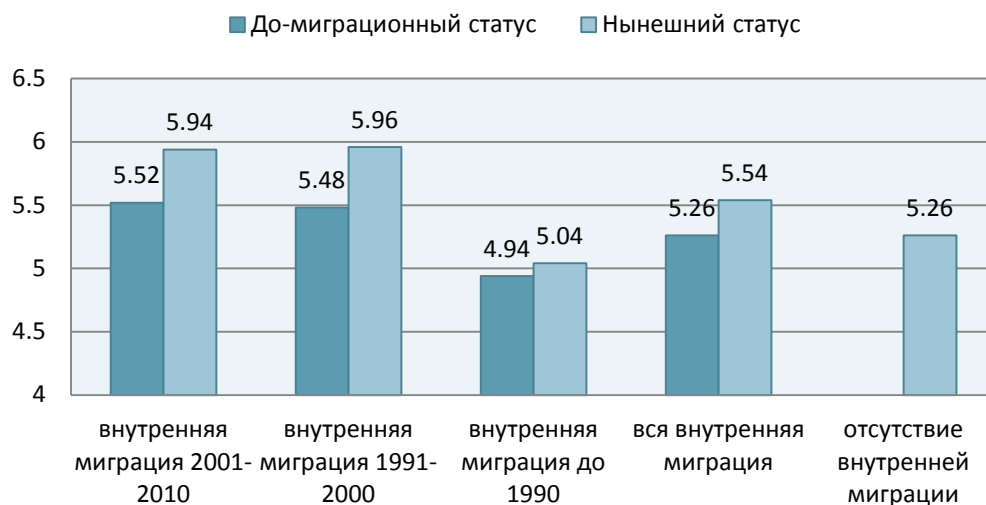
Следующим шагом стало изучение социально-экономического статуса семей мигрантов перед переездом и после него. Переменная социально-экономического статуса отражает восприятие семьями мигрантов своего положения по сравнению с окружающими. В исследовании МДПК была собрана информация о положении домохозяйств мигрантов на шкале социально-экономического статуса перед переездом и после. С этой целью были заданы два вопроса: «Как вы оцениваете благосостояние семьи по шкале от 1 (бедные) до 10 (богатые) на своем предыдущем месте проживания до переезда (непосредственно перед переездом)?» и «Как вы оцениваете благосостояние вашей семьи по шкале от 1 (бедные) до 10 (богатые) на вашем нынешнем месте проживания?». Второй вопрос касался статуса на момент опроса (осень 2010 года). Лицам без миграционного опыта было предложено ответить только на второй вопрос.

На рисунке 23 показан средний субъективный социально-экономический статус домохозяйств мигрантов до и после их переезда, различая при этом мигрантов по трем периодам. График также представляет данные по среднему статусу немигрантов в 2010 году. Согласно данным, статус домохозяйств всех трех групп мигрантов в среднем улучшился после миграции. Так же как и в случае заработка, статус мигрантов, переехавших после провозглашения независимости Казахстана, по их субъективным оценкам поднялся значительно сильнее, чем статус мигрантов, переехавших раньше.

Кроме того, внутренние мигранты, как правило, оценивали положение своего домохозяйства по статусной шкале выше, чем лица, не имеющие миграционного опыта.

Далее, при помощи регрессионного анализа были исследованы отличия в ме-

Рисунок 23: Средняя субъективная оценка социально-экономического статуса по шкале от 1 (бедные) до 10 (богатые), N=2074

Источник: база данных МДПК

сячном заработке мигрантов и немигрантов на момент проведения опроса в 2010 году. Анализ показал отсутствие связи между уровнем доходов и миграционным опытом при учете демографических характеристик и характеристик занятости. Этот результат говорит об отсутствии дискриминации внутренних мигрантов в заработке по сравнению с коренными жителями больших городов. Регрессионный анализ индивидуальных зарплат был дополнен аналогичным анализом на уровне домохозяйств. Была изучена связь между наличием опыта внутренней миграции и статусом, а также ежемесячным доходом семей. В целом, предыдущие выводы подтвердились: опыт внутренней миграции не связан с доходом домохозяйства, если учтены демографические характеристики и условия труда.

Чтобы проанализировать связь миграционного опыта с социально-экономическим статусом, была оценена порядковая пробит-модель, включающая множество индивидуальных характеристик, равно как и характеристик домохозяйств. Анализ показал, что мигранты, приехавшие в город после 1991 года, склонны оценивать свой статус значительно выше, чем мигранты, прибывшие в город раньше. Последние не отличались в своих субъективных оценках статуса от коренных жителей городов. То есть семьи переехавшие в города относительно недавно, как правило, оценивают свое социально-экономическое положение выше, чем другие семьи. Как уже указывалось выше, более высокий заработок не может служить объяснением подобной тенденции, поскольку заработок недавно переехавших не отличается от заработка их новых соседей. Можно предположить, что в больших городах Казахстана некоторые возможности могут по-разному влиять на формирование субъективной оценки статуса семей с миграционным опытом и без такового.

Согласно последним исследованиям, новоприезжие часто пытаются опреде-

лечь свое место в новом обществе, демонстрируя свой высокий статус (Janabel, 1996; Sivanthan, Pettit, 2010), или приобретая важные социальные контакты (Anggraeni, 2009). Основываясь на этих наблюдениях Данцер и соавт. (Danzer и соавт., 2013) исследовали, существует ли связь между субъективной оценкой собственного статуса и уровнем статусного потребления. Поскольку заработок новоприезжих мигрантов и их семейный доход не выше, чем у других жителей городов, можно предположить, что новоприбывшие семьи перераспределяют свой бюджет таким образом, чтобы иметь возможность сигнализировать высокий статус и следовательно самоутвердиться в обществе и адаптироваться к новой социальной среде (Sivanthan, Pettit, 2010). Согласно литературе о демонстрации статуса, некоторые люди и их семьи пытаются сигнализировать свой социально-экономический статус путем потребления; при этом статусное потребление необязательно связано с наличествующими экономическими ресурсами (Moav, Neeman, 2010). Миграция влечет за собой изменение во многих сферах жизни, так что вполне вероятно, что новые жители пытаются «определить свое место» в новом обществе с помощью статусного потребления. Внимание Данцера и соавт. (Danzer и соавт., 2013) было направлено на анализ доли расходов, приходящейся на статусное потребление, с целью выявления различий в потребительских привычках мигрантов и немигрантов, при контроле уровня семейного дохода и расходов.

Регрессионный анализ доли общих расходов, затраченных на товары, определяющие статус, показал, что новоприезжие жители городов в целом тратят значительно большую долю бюджета на статусное потребление, чем коренные жители и те, кто переехал до 2001 года. Наиболее достоверным объяснением этого факта может служить то, что утверждение статуса на самом деле является частью адаптационного процесса новоприезжих мигрантов. Такое объяснение подтверждается результатами анализа расходов для 12 категорий потребления (например, продукты питания, средства личной гигиены, транспорт). Единственной категорией, на которую недавно приехавшие мигранты тратили значительно более высокую часть своих средств, касалась статусного потребления, в то время как расходы на продукты питания и коммунальные услуги были меньше. Данная модель потребления наблюдается независимо от этнической принадлежности членов семьи равно как и от того, приехала семья мигранта из городской или сельской местности. Подводя итог, Данцер и соавт. (Danzer и соавт., 2013) подчеркивают, что семьи мигрантов в больших городах Казахстана заботятся о своем статусе в городе, в который они приехали, но демонстрация статуса постепенно отходит на задний план, как только они адаптируются к новому месту жительства.

Мобильность рынка труда при внутренней миграции

На примере Казахстана можно также исследовать вопрос, приносит ли географическая мобильность определенные преимущества. Например, зарабатывают ли люди, меняющие место работы, но сохраняя место жительства, больше, чем работники, меняющие и место жительства, и место работы? Для ответа на этот вопрос Данцер (Danzer, 2013) сравнил людей, которые поменяли работу, но

не переезжали в другой населенный пункт, с теми, кто сменил работу, переехав в другой город. Такой подход устраняет возможные ошибки, которые могут возникнуть при сравнении мигрантов с людьми, не меняющими место работы, чей доход может изменяться в зависимости от их возраста. Данные МДПК отлично подходят для такого анализа, поскольку содержат точные сведения о зарплате, которые во многих случаях проверялись с помощью записей в трудовой книжке. Также доступна информация о мотивах миграции, которую практически невозможно получить даже с помощью высококачественных баз данных.

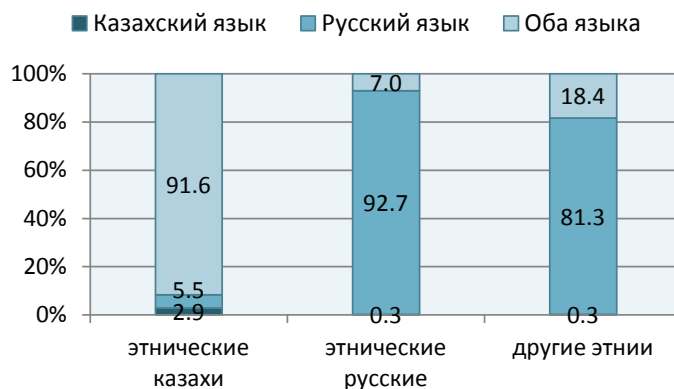
В целом, результаты показывают, что мигранты, самостоятельно принимающие решение о переезде, и мигранты, которые переезжают с целью трудоустройства, получают большую зарплату, в то время как вынужденные мигранты (например, жены, переезжающие вместе с мужьями) страдают от неудобств подобной мобильности. Исследование указывает на эмпирические недостатки в предыдущих исследованиях и свидетельствует о преимуществах географической мобильности в стране с быстро растущей, развивающейся экономикой. Предыдущие исследования проводились в основном на примерах промышленно развитых стран (Yankow, 2003; Böheim, Taylor, 2007).

Этничность,
билингвизм и рынок
труда

Поскольку исследователям и правительству важно понимать источники дискриминации и этнических конфликтов, крайне актуальным является анализ влияния языка и этнической принадлежности на трудоустройство и зарплату. Эти вопросы особенно релевантны в многоязычных обществах, в которых свободное владение двумя или большим количеством языков обычно воспринимается положительно. Экономические исследования подтвердили эту точку зрения на данных, согласно которым двуязычие в целом способствует надбавке к зарплате (Shapiro, Stelcner, 1997; Henley, Jones, 2005). Данные МДПК предоставляют прекрасную возможность для исследования вопросов этнической дискриминации на рынке труда в связи с вышеупомянутым этническим и языковым многообразием Казахстана (рис. 24).

В то время как официальная государственная политика поддерживает ка-

Рисунок 24: Двуязычие и этничность

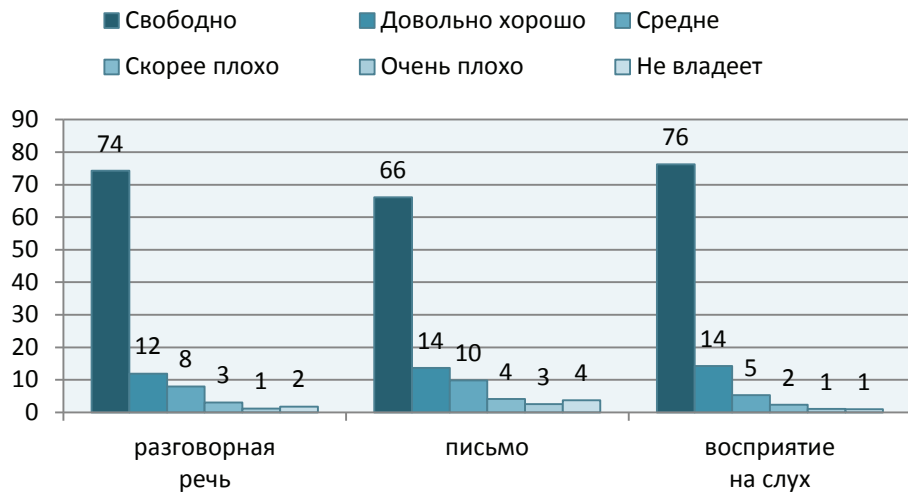
Источник: база данных МДПК

казахский язык как государственный (и все больше требует владения казахским языком в конкретных профессиях), многие этнические казахи не могут свободно говорить на титульном языке (рис. 25). Этот парадокс частично объясняет, почему владение казахским языком наравне с русским не предусматривает надбавку к зарплате (как в некоторых других странах), а даже снижает среднюю заработную плату. Поскольку этническое большинство в Казахстане преимущественно является двуязычным, этническая дискриминация служит плохим объяснением наблюдаемой картины по заработной плате.

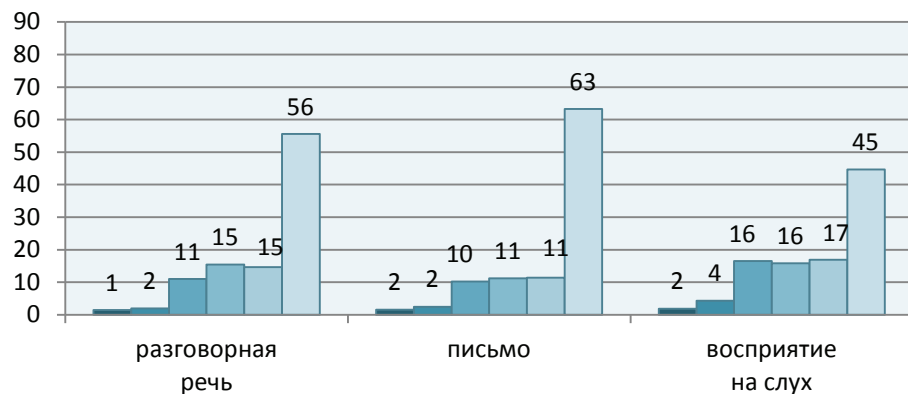
Часто выдвигается гипотеза, что казахоязычные работники зарабатывают меньше из-за секторной сегментации рынка труда. Согласно этой идее, русские работают, преимущественно, в производственном и экспортном секторах, в то время как казахи скорее заняты в общественном секторе: здравоохранении, образовании и государственном управлении. Тем не менее данные МДПК показывают, что нет оснований говорить о том, что более низкие заработки казахских работников связаны с занятостью в менее хорошо оплачиваемых

Рисунок 25: Знание казахского языка и этничность, в процентах

Этнические казахи, N=866

Этнические русские, N=1013

Источник: база данных МДПК

секторах экономики (Aldashev, Danzer, 2013a). В действительности качество образования в школах с русским и казахским языками обучения довольно сильно отличается еще с советских времен, что и может служить наиболее вероятным объяснением отсутствия преимуществ для казахских билингов на рынке труда (Aldashev, Danzer, 2013b). Подобное объяснение отражает общее мнение, согласно которому русский является языком бизнеса, казахский же – языком частного общения.

Итоги и прикладное значение

Проведение данного опроса «Миграция и денежные переводы в Казахстане» (МДПК) позволило собрать основную информацию о детерминантах, видах и последствиях миграции в четырех крупных городах Казахстана (Алматы, Астана, Караганда и Павлодар). Сравнение соответствующих распределений характеристик населения и случайной выборки, использованной в исследовании, выявило их соответствие по основным демографическим и социальным признакам, таким как пол, возрастная структура и этнический состав.

В опросе МДПК примерно половина (49%) всех респондентов указали, что хотя бы раз в жизни меняли свое место жительства. Большинство мигрантов (71%) мигрировали внутри страны, около 19% прибыли из России и 10% – из третьих стран, преимущественно из (бывшего) Советского Союза. В последние годы (2001–2010) в четырёх больших городах Казахстана наблюдается в основном внутренняя миграция (88%). Большую роль в определении внутренней миграции играет и предыдущее место жительства мигрантов. В частности, около 30 % внутренних мигрантов приехали в Алматы и Астану из близлежащих регионов (областей). Соответствующие цифры еще выше в Караганде и Павлодаре: более половины (52%) внутренних мигрантов, которые переехали в Караганду, прибыли из соседних областей и почти две трети иммигрантов Павлодара переехали из приграничных регионов. Собранные данные указывают на преобладание пошаговой миграции: в основном, люди переезжают из деревень или небольших городов в средние города (часто находящиеся по соседству), а из средних городов – в крупные города. Миграционный поток из деревень непосредственно в крупные города, как правило, гораздо меньше.

Ряд недавних исследований показывает, что внутренняя миграция в городские центры в целом улучшает доходы мигрантов и их социально-экономический статус. Для исследования влияния внутренней миграции на благосостояние мигрантов в больших казахских городах была проанализирована степень материального благосостояния внутренних мигрантов по сравнению с их новыми соседями (коренными жителями) с точки зрения заработка, семейного дохода и социально-экономического статуса. Это сравнение по-

казало, что субъективная оценка социально-экономического статуса семей мигрантов выше субъективной оценки коренных жителей города, при этом их заработок и семейный доход при равных условиях существенно не отличаются. Данные о расходах домохозяйств также показали, что внутренние мигранты не только стремятся демонстрировать более высокий социальный статус, но и на самом деле расходуют больше ресурсов на статусное потребление. Подобное поведение, вероятно, является частью адаптационной стратегии, направленной на накопление социального капитала и определение собственной позиции в городской социальной иерархии.

Некоторые казахские государственные чиновники отстаивают точку зрения, согласно которой следует строго контролировать и минимизировать внутреннюю миграцию, поскольку, по их мнению, миграция может привести к нищете и социальным убыткам для новоприезжих. (Interfax Kazakhstan, 2012; Tengri News, 2012). Однако вопреки этому мнению и в соответствии с результатами существующих исследований, Данцер и соавт. (Danzer и соавт., 2013) показывают, что большинство внутренних мигрантов в крупных казахских городах после переезда улучшают свои доходы и социально-экономический статус. По сравнению с коренными жителями городов внутренние мигранты не отличаются ни по уровню заработка, ни по уровню семейных доходов. Данные показали, что внутренняя миграция несет с собой экономические преимущества для мобильных домохозяйств. Одновременно, усилия семей мигрантов в период адаптации направлены на демонстрацию статуса путем статусного потребления, что в свою очередь связано с уменьшением расходов на потребление продуктов питания или коммунальных услуг. Несмотря на то, что в некоторых странах регулирование статусного потребления является важным политическим вопросом, доступные политические инструменты (налоги, запреты, перераспределение) не всегда достигают поставленных целей. Еще более значимый для формирования политических выводов вопрос остается до сих пор открытым, а именно – является ли статусное потребление лишь демонстрацией своего положения в обществе или же оно обеспечивает доступ к социальному капиталу?

Казахстан – многонациональная страна со сложной этнической структурой, недавно сменившая официальный государственный язык с русского на казахский. Данные МДПК были использованы для анализа влияния двуязычия (русского и казахского языков) на заработок. Неожиданным результатом явился тот факт, что двуязычие негативно влияет на заработную плату, а владение казахским не приносит дополнительную прибыль. Наиболее вероятным объяснением низкой экономической ценности казахского языка является сравнительно низкое качество обучения в казахоязычных школах, в отличие от русскоязычных школ. Таким образом, можно сделать вывод, что поддержку казахскому языку можно скорее обеспечить путем улучшения качества преподавания в казахоязычных школах, нежели с помощью языкового законодательства.

Список литературы

- Aldashev, A. and Danzer, A. M. (2013a). Bilinguality and Economic Performance. Paper presented at the CESifo Venice Summer Institute 2013.
- Aldashev, A. and Danzer, A. M. (2013b). Bilinguality, Schooling and the Returns to a Poorly Designed Language Policy. Mimeo.
- Aldashev, A. and Dietz, B. (2011). Determinants of Internal Migration in Kazakhstan. Osteuropa-Institut Regensburg. Working Papers, no. 301.
- Anacker, S. (2004). Geographies of Power in Nazarbayev's Astana. *Eurasian Geography and Economics* 45, 7, 515–533.
- Andrienko, Y. and Guriev, S. (2004). Determinants of Interregional Mobility in Russia: Evidence from Panel Data. *Economics of Transition* 12, 1, 1–27.
- Anggraeni, L. (2009). Factors influencing participation and credit constraints of a financial self-help group in a remote rural area: the case of ROSCA and ASCRA in Kemang village West Java. *Journal of Applied Sciences* 9, 11, 2067–2077.
- Böheim, R. and Taylor, M. P. (2007). From the dark end of the street to the bright side of the road? The wage returns to migration in Britain. *Labour Economics* 14, 99–117.
- Brill Olcott, M. (2002). *Kazakhstan: Unfulfilled Promise*. Washington, Carnegie Endowment.
- Danzer, A. M. (2013). The geographic mobility premium in emerging economies: Common conceptual problems and evidence from a simple survey solution. Mimeo.
- Danzer, A. M., Dietz, B., Gatskova, K., Schmillen, A. (2013). Showing off to the new neighbors? Income, socioeconomic status and consumption patterns of internal migrants. *Journal of Comparative Economics*.
- Diener, A. (2008). The settlement of the Returning Kazakh Diaspora: Practicality, Choice, and the Nationalization of Social Space. In: Buckley, C. J., Ruble, B.A., Hofmann, E.T. (eds.). *Migration, Homeland, and Belonging in Eurasia*. Woodrow Wilson Center Press, Washington D.C., 265–301.
- Gentile, M. (2004). Former Closed Cities and Urbanisation in the FSU: an Exploration in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies* 56, 2, 263–278.
- Groenewold, G. and Bilsborrow, R. (2008). Design of Samples for International Migration Surveys: Methodological Considerations and Lessons Learned from a Multi-Country Study in Africa and Europe. In: Corrado, B., Okolski, M., Schoorl, J., Simon, P. (eds.). *International Migration in Europe: New Trends and New Methods of Analysis*. Amsterdam University Press, Amsterdam 2008, 293–312.
- Henley, A. and Jones, R. E. (2005). Earnings and linguistic proficiency in a bilingual economy. *Manchester School*, 73 (3), 300–320.

-
- Interfax Kazakhstan (2012). Kazakhstan aims to negate internal migration. http://www.interfax.kz/?lang=eng&int_id=expert_opinions&news_id=5, accessed, accessed 31 Juli 2013.
- Janabel, J. (1996). When national ambition conflicts with reality: studies on Kazakhstan's ethnic relations. *Central Asian Survey* 15, 1, 5–21.
- Lucas, R. E. B. (2000). Migration. World Bank, Designing Household Survey Questionnaires. <http://econ.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/EXTLSMS/0,,contentMDK:21610679~menuPK:4538539~pagePK:64168445~piPK:64168309~theSitePK:3358997~isCURL:Y,00.html>, accessed 31 July 2013.
- Moav, O. and Neeman, Z. (2010). Status and poverty. *Journal of the European Economic Association* 8, 2–3, 413–420.
- Resosudarmo, B. P., Suryahadi, A., Purnagunawan, R., Yumna, A., Yusrina, A. (2010). The Socioeconomic and Health Status of Rural-Urban Migrants in Indonesia. In: Meng, X., Manning, C., Shi, L., Effendi, T. N. (eds.). *The Great Migration: Rural-Urban Migration in China and Indonesia*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA, 178–193.
- Sadovskaya, E. (2007). Chinese Migration to Kazakhstan: A Silk Road for Cooperation or a Thorny Road of Prejudice. *China and Eurasia Forum Quarterly* 5, 4, 147–170.
- Shapiro, D. and Stelcner, M. (1997). Language and earnings in Quebec: trends over twenty years, 1970–1990. *Canadian Public Policy*, 23(2), 115–140.
- Sivanathan, N. and Pettit, N. C. (2010). Protecting the self through consumption: status goods as affirmational commodities. *Journal of Experimental Social Psychology* 46, 564–570.
- Statistical Agency of Kazakhstan, www.stat.kz.
- Stark, O. and Taylor, J. E. (1991). Migration incentives, migration types: the role of relative deprivation. *The Economic Journal* 101, 1163–1178.
- Tengri News (2012). Internal migration has to be controlled in Kazakhstan. Tengri News, February. <http://en.tengrinews.kz/people/Internal-migration-has-to-be-controlled-in-Kazakhstan-MP-7302/>, accessed 31 July 2013.
- Vdovina, N. (2008). Russkij Jazik v Kazakhstane. <http://www.nomad.su/?a=14-200809170322>, accessed 31 Juli 2013.
- Yankow, J. J. (2003). Migration, job change, and wage growth: a new perspective on the pecuniary return to geographic mobility. *Journal of Regional Science* 43, 483–516.

Данный буклет представляет обзор результатов опроса на тему миграции и денежных переводов в Казахстане, который был проведен с октября по декабрь 2010 года в четырех городах (Алматы, Астане, Караганде и Павлодаре). Буклет содержит анализ основных социально-демографических и экономических характеристик населения больших урбанистических центров. Отдельное внимание уделяется сравнению коренных жителей городов с гражданами, имеющими опыт внутренней миграции. В заключении предлагаются практические рекомендации, касающиеся политики социального обеспечения, внутренней миграции и рынка труда в республике Казахстан.

**Institut für Ost- und
Südosteuropaforschung**
Institute for East and
Southeast European Studies

Landshuter Straße 4
D-93047 Regensburg
Telefon: (0941) 943 54 10
Telefax: (0941) 943 54 27
www.ios-regensburg.de